

Р Ъ Ч И,

говоренныя

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Харьковскаго Университета,

бывшемъ 30 Августа, 1806 года.

В Ъ Х А Р Ъ К О В Ъ.

Въ Университетской Типографіи.

1807 года.

239 3
152

Р Р Р П

230
122

товарный

Императорской библиотеке

ИМПЕРАТОРСКАЯ

Харьковская губернская

Библиотека 20 Августа 1897 года

В. А. Р. П.
Императорской библиотеке
1897 года

I.

О ФИЗИЧЕСКИХЪ СПОСОБАХЪ ЖИЗНИ.

Что скажемъ, Почтеннѣйшее Собраніе! что возгласимъ, да по достоянію прославимъ благость Промысла, безпримѣрное великодушіе, опеческую любовь къ своему народу и знаменитые подвиги въ пользу человѣчества дражайшаго Виновника сего Высокопоржескаго дня и сего радостнаго спеченія! Уже неоднократно возгремѣла труба славы, уже возвѣспила она во вся концы земли вѣрное и надежное счастье сыновъ сильныя Россіи. Что возможетъ по себѣ слабая моя грудь? Предметы великой важности и силы пребудутъ своихъ Выпязей. Мы же отъ наукъ успроимъ жертву нашего приношенія. Они сославляютъ предметъ неупомимаго его вниманія, неусыпнаго попеченія, приводимаго въ дѣйствіе обширными познаніями съ безпримѣрнымъ рвеніемъ великихъ мужей, царскую довѣренность и надежду опечества совершенно оправдавшихъ; славными подвиги и знаменитымъ пожертвованіемъ, ТЕБѢ Августѣйшій МОНАРХЪ душою и сердцемъ преданныхъ благомыслящихъ родителей, въ честь своего и потомковъ своихъ имени, въ пользу юныхъ опраслей своихъ, имѣющихъ прияти въ стѣнахъ сихъ свѣтъ и украшеніе, единственная награда милосердіемъ дышущаго, единственная надежда опечества и человѣчества.

*

Способы Физическаго существованія челоѣка суть споль многочисленны и сложны, что удовольворишь каждому изъ нихъ въ надлежащей мѣрѣ и силѣ было бы для него почти невозможнымъ, ежели бы природа не сдѣлала ихъ совершенною, а при томъ такого рода необходимостію, исправленіе которой доставляетъ ему бодрость, крѣпость и удовольствіе, какъ такіа обсто-ятельства, съ жизнію сопряженныя, которыя одни за-спавляютъ его сполько любятъ свое здѣсь пребываніе, и копорыхъ лишеніе или же одно измѣненіе ихъ край-не для него чувствительно, крайне огорчительно.

Оные способы, какъ ни многочисленны и сложности ихъ разнообразіе сколь ни велико, при всемъ томъ всѣ они такъ вѣрно между собою соединены, и составляютъ цѣль толикой силы, равенства и взаимности, что по всей справедливости можно называть ея цѣлью жизни, копорая однако, и хопя заключаетъ она въ себѣ законъ природы и долгъ челоѣка, не предполагаетъ и малѣйшаго принужденія, ниже тѣни невольничества; а попо-му существуетъ она вѣчно, и вѣчно всѣмъ пріятна; такъ спроить благій Творецъ!

Говоря о силѣ, равенствѣ и взаимности каждаго оной цѣпи звѣна, я разумѣю подъ первую ту спаситель-ную силу и власть каждаго изъ средствъ или спосо-бовъ жизни, копорую мы безпрестанно ощущаемъ, ко-порой, собственнаго ради нашего блага, безпрестанно повинемся, и копорая безъ собственного нашего оскор-бленія и самаго даже нашего разрушенія нарушена быть не можетъ. Равенство же, какъ ихъ самыхъ между со-

бою, такъ и успѣховъ дѣйствія ихъ на насъ есть столь опредѣлительно, что предпочтительности, леспному сему нравственному божеству, въ семъ физическомъ обозрѣнн нѣтъ ни малѣйшаго мѣста. Все устроено на равновѣсїи поликой почности и вѣрности, что единъ Всесильный Спроишель возмогъ дать дѣламъ и вещамъ поликой важности подобное совершенство. Касательно оныхъ способовъ между собою взаимности или соопвѣстственности, она есть столь вѣрна и такъ сильна, что не можетъ нанесено быть насиліе или же ослабленіе ни одному звѣну безъ того, чтобъ всѣ прочіе не пришли отъ того въ опасный безпорядокъ и замѣшательство. Такова есть святость законовъ Единого Премудраго.

Способы, поликой важности цѣль составляющіе и къ размышленію о которыхъ я приступаю, суть самые обыкновенные, ежедневнаго употребленія, и даже едва ли была бы ошибка, ежели бы я сказалъ ежедневнаго злоупотребленія; слѣдовательно во всякомъ случаѣ каждому изъ насъ довольно извѣстны. Движеніе и покой, пища съ пипьемъ, сонъ и бодрствованіе и прочая, суть средства, къ ея составленію служащія. Нѣтъ изъ нихъ ни единого, безъ котораго человѣкъ могъ бы обойтись; и ни единого, которому бы можно было дать преимущество. Всѣ вмѣщаются въ кругу необходимости такъ, что намѣренъ будучи говорить о каждомъ изъ нихъ въ особенности, не нахожу инаго средства къ выбору начальнаго предмета, какъ только удостоеніемъ того по собственному произволу, безъ всякой предпо-

чпипельности и безъ всякаго сужденія о первенствѣ, которое такъ непримѣпно, что ни въ еспественномъ, самою природою размѣренномъ ихъ соспояніи невозможно опѣискать ни коего между ими чиноположенія; ниже въ печальныхъ плодахъ, неправильнымъ ихъ употребленіемъ производимыхъ, нѣтъ возможности опкрыть ни единого значительнаго опличія или справедливаго первенства. Вѣрность сея мысли опкроепся въ полной ясности, коль скоро поппщимся узнать всю цѣну и пользу каждаго изъ средствъ жизненныхъ въ особенноти. И такъ въ сходствіе моего заключенія поставимъ предметомъ нашего размышленія во первыхъ движеніе, свяпо во всей природѣ и во всей вселенной совершающееся.

Когда направимъ взоръ нашъ къ небесамъ, или проспремъ его по лицу земли, вездѣ увидимъ ясные слѣды удивительной, неизреченной дѣятельности, всею своею добропою непоспижимой силѣ движенія должнспвующей, коего правильность, вѣрность и величспство свидѣтельспвуютъ о премудрости и совершенствѣ, всякое удивленіе превосходящихъ, единого Верховнаго Спроишеля и Правилеля несчетныхъ міровъ въ безднѣ пространства величеспвенно шеспвующихъ. Какой ужасной, непоспижимой огромности безчисленныя массы съ легкостію, скоростію и удобностію, подобно нѣкимъ пылинкамъ въ ээирномъ океанѣ плавающія, представляютъ взору нашему величеспвенный образъ дѣяній Всемогушаго Механика, приводящаго все въ совершенно правильное, каждому тѣлу соразмѣрное и общему порядку вещей соопвѣтспвенное движе-

ніе, коего силу, мѣру, цѣль и доброту, красоту и величество кѣмо можетъ изобразить перомъ или языкомъ! Кажется, что здѣсь положенъ предѣлъ и самому даже смертныхъ воображенію. Пусть царствуетъ вѣчная истина, что безчисленные оныя въ безпредѣльномъ пространствѣ подъ видомъ прекрасныхъ серебряныхъ почекъ зримыя нами громады небесныхъ тѣлъ безпрестанно движутся и обращаются путемъ вѣрнымъ Предвѣчнаго утѣшенія. Оставимъ звѣздочетамъ, вооруженнымъ зрительною трубою, слѣдовать за ними, дѣлить ихъ на классы, примѣчать, вычислять и сравнивать ихъ движеніе и обращеніе въ пространствахъ безконечныхъ. Мы же обратимся къ предѣламъ земныя природы, къ тѣламъ, нами осязаемымъ, коихъ дѣйствию и испытанію необходимо и ежечасно чело-вѣкъ подверженъ, но коихъ преобширное и много-различное движеніе можетъ онъ примѣчать и понимать, разумѣть, измѣрять и чувствовывать; чѣмъ самымъ приобретаемъ онъ надежный способъ достойно цѣнить его свойство и степень или качество и количество; удивляться безчисленному его разнообразію въ тѣлахъ и дѣлахъ богатыхъ природы, и купно видѣть, собственнаго ради блага, сколь оное движеніе, каждому существу свое собственное, есть и будетъ не обходимо полезно, спасительно. —

Чрезъ то, что я сей часъ помянулъ, какъ бы каждое существо одарено было своимъ собственнымъ движеніемъ, можно подумывать, что я признаю его и въ самомъ камнѣ, на вѣчное лежаніе и бездѣйствіе осужден-

номъ, яко въ существъ своего рода. Такова мысль была бы новая, и можетъ быть соблазнительная по тому, что мы привыкли признавать движенье только тамъ, гдѣ намъ опыты, а паче гдѣ наши глаза его открываютъ, вмѣняя ни во что всякой къ тому способъ другихъ нашихъ чувствъ. Я не берусь утверждать, что пятнобѣніе онаго камня не есть совершенное бездѣйствіе; ибо въ такомъ случаѣ должно было бы усумниться въ его покоѣ, и даже уступить, можетъ быть, ему нѣкоторый родъ движенья, котораго однако мы не видимъ; а видимъ только, что онъ лежитъ, и лежитъ вѣчно. Я и того, правда, не знаю, лежитъ ли онъ? Знапныя природы испытатели уверяютъ насъ, что камни распутъ. Но ежели они распутъ *per iuxta positionem*, то можно признаться, что сей образъ распѣнія есть крайне непонятный, яко предполагающій въ семъ великомъ дѣлѣ природы нѣкоторую случайность, и даже крѣпко усумниться, чтобы можно было то называть распѣніемъ. Свойственнѣе называется оно въ смыслѣ *iuxta positionis* приращеніемъ; образъ его однако и тогда остается непонятнымъ. Конечно и то правда, что мы и въ самомъ дѣйствительномъ живописныхъ и прозябаніи распѣнія ничего не понимаемъ. Знаемъ однако, что сіе послѣднее производится посредствомъ движенья, или по крайней мѣрѣ, что движеніе при немъ неразлучно. Камнямъ же никакого другаго рода или образа приращенія уступить невозможно безъ того, чтобы не подарить ихъ при томъ купно и нѣкоторымъ родомъ или образомъ движенья, котораго однако совер-

шенно не видимъ. И такъ предадимъ камней и все по-
му подобное вѣчному лежанію, и возвратимся къ яв-
ственному, такъ сказать, очевидному движенію. Сей
любимый природы способъ не только въ произведе-
ніяхъ, но даже и въ самыхъ уничиженіяхъ, или лучше
сказать, преобразованіяхъ своихъ произведеній пусть
будетъ на всегда опказанъ однимъ камнямъ, грудамъ
и отпоргнутымъ скаламъ.

Во всей прочей природѣ, въ царствѣ живописныхъ,
въ царствѣ растеній, въ моряхъ, рѣкахъ, въ воздухѣ
и въ безпредѣльномъ ономъ пространствѣ небесныя
тверди, вездѣ движеніе, сія священная черпа благія во-
ли Всесильнаго неумолчно господствуетъ. Ежели смерт-
ный удивляется поликой обширности владычества
движенія, поликой его силѣ и необходимости во всей
вселенной, то въ какое долженъ онъ приипи изумле-
ніе, мысленно представивъ себѣ его разнообразіе на вся-
комъ, такъ сказать, шагѣ въ новомъ измѣненіи явля-
ющееся; его огромность и величество въ однихъ, сла-
бость и почти ничтожность въ другихъ тѣлахъ, но
которыя однако въ достоинствѣ и совершенствѣ ниче-
го не уступаютъ верховнымъ онымъ степенямъ кра-
соты и силы. Представимъ себѣ величественное ше-
ствие, обращеніе, удаленіе и возвращеніе земли, луны и
другихъ планетъ и звѣздъ въ безпредѣльномъ ономъ
океанѣ; представимъ съ другой стороны для сравненія
съ ними у ногъ нашихъ ползущее, едва отъ пылинки
различаемое насѣкомое; ежели мы удивляемся, ежели
мы восхищаемся зря и поспигая плѣняющее взоръ нашъ

движеніе и обращеніе первыхъ, то разумъ теряетсѣ во глубинѣ непоспѣжимости при зрѣніи ничпложной оной пылинки, обнаруживающей жизнь, органы внушрренняго и внѣшняго движенія, имѣющей самую даже, можетъ быть, волю, хотѣніе и любовь къ жизни и пребыванію тѣмъ, что оно есть. Ежели же сіе съпрудомъ видимое ползущее есть еще, можетъ быть, слонъ предъ тѣмъ его основаніемъ, которое еще въ сѣмени существуемъ; ибо все живущее имѣетъ время своего зачатія, своего рожденія, приращенія и пребыванія; когда помыслимъ, что оно имѣетъ свои нужды, ради удовольстворенія которыхъ оно движется, ищетъ, находитъ и пользуется; когда представимъ себѣ наконецъ, что сіе ничпложное въ нашихъ глазахъ твореніе есть совершенно и прекрасно въ своемъ родѣ; что сіе совершенство равняется съ совершенствомъ и красотою величайшихъ планетъ, и что все и всѣхъ ихъ величество вмѣщается въ семъ одномъ ничпложномъ насѣкомомъ; то человеку, не имѣющему силы поспѣгать поликую вмѣстимость въ одномъ, а огромность и ужасную обширность въ другомъ твореніи равной цѣны и достоинства оспаетъ одно удивленіе, доказывающее собою явспвенно слабостъ его и безсиліе. Невозможно однако не видѣть ему, что и въ сихъ неизреченныхъ, чудесныхъ пропивоположностяхъ движеніе и способностъ къ тому составляющъ главную цѣль, единспвенный предметъ Творца непоспѣжимаго. Кпо можетъ усумнипъся, что ежели оно необходимо для живой, бѣдненькой оной, цѣны своей незнающей пылинки, собспвенно

для нея, по равно нужно оно, равно необходимо въ небесныхъ оныхъ исполинахъ для цѣлаго міра, а можетъ быть и для нихъ самыхъ и сущихъ въ нихъ.

Какой безцѣнный даръ, какое величайшее благо, истинное добро заключается въ движеніи какъ нашемъ собственномъ, такъ равно и тѣхъ великихъ природы дѣятелей, съ которыми соединены мы тѣснѣйшими узами, которые насъ непрерывно окружаютъ, и которые сами будучи въ разныя времена различнаго свойства, разнообразно и безпрестанно на насъ дѣйствуютъ. Что было бы съ нами, ежели бы воздухъ, который мы съ поликою жадностію въ себя почерпаемъ, въ которой мы, отъ первой оной минутой нашего дыханія, непрерывно погруженными находимся, ежели бы сей самый воздухъ, подъ именемъ нашей атмосферы разумѣемый, величайшій жизни нашей посредникъ преспалъ навсегда или по крайней мѣрѣ на долгое время быть въ движеніи! Будучи существо жидкаго, тончайшаго свойства заключаемъ въ себѣ своемъ качествѣ величайшую способность къ принятію онаго отъ многихъ причинъ, на сей конецъ усвоенныхъ. Польза, которая отъ него произтекаетъ, есть величайшей важности. Первая и главнѣйшая состоитъ въ томъ, что воздухъ, яко тѣло сложное изъ разнородныхъ началъ состоящее, посредствомъ его приводится въ должное смѣшеніе, съ доброю его неразлучное. Оно же смѣшеніе началъ есть дѣйствительно необходимо въ тѣлѣ, ни коего соединенія неимѣющемъ, которое посредствомъ одного, взаимнаго частицъ своихъ прикоснове-

нія, складаєтьсѣ цѣлое, вѣ пропѣженіи своемѣ прерва-
 нія незнающее, и которое подвержено бываєтьсѣ повреж-
 денію различной степени вѣ доброствѣ своей, коль скоро
 оное смѣшеніе престаєтьсѣ на долгое время; ибо вѣ та-
 комѣ случаѣ воздушныя, или прямо сказаць, атмосфе-
 рическія оныя начала почти извѣстную, спрощающую
 между собою пропорцію наблюдающую, однимѣ взаим-
 нымѣ прикосновеніемѣ держащіясь; лишасѣ на долго дви-
 женія, великаго онаго доброствы бѣосущества, не преми-
 нули бы, силою припѣженія или пѣтосущи, свойствен-
 ной между однородными, припѣи вѣ раздѣленіе, для че-
 ловѣка наипаче, во всякомѣ отношеніи пагубное, и ко-
 порого слѣды и примѣры находимѣ мы нерѣдко вѣ за-
 пертыхѣ на долго покояхѣ и погребахѣ, коихѣ воздухѣ
 вѣ печеніе того времени, по трудности сообщенія сво-
 его со внѣшнимѣ, свободнымѣ вѣ вѣтры и вихри пере-
 ходящимѣ, оставался преданнымѣ еспещивенному про-
 изволу или врожденному влеченію однородныхѣ началѣ,
 ко взаимному сближенію и слѣдовательно должнаго смѣ-
 шенія уничтоженію.

Почему совершенно правильное єсть спараніе каж-
 даго человека о содержаніи вѣ своихѣ жилищахѣ и раз-
 наго рода хранилищахѣ свободного сообщенія, обраще-
 нія и часпой перемѣны воздуха, который одинѣ єсть
 здоровый, и который благодѣтельнымѣ своимѣ вліяні-
 емѣ на здоровье и самую жизнь нашу приносить впо-
 рую главную и величайшую пользу. Кому неизвѣстно
 теперѣ, что воздухѣ, долгое время вѣ заключеніи оста-
 ющійся и необновляемый, єсть весьма вреднаго свойства

для жизни и здоровья. Вбояпно и даже почти несумнипельно, что и самый часпо перембняемый воздухъ не можепъ сравнипъся въ добротѣ съ наружнымъ, совершенно свободнымъ попому, что потъ скоро и удобно насыщается въ жилѣ испареніями его и живущихъ въ немъ. А пѣмъ пруднѣ содержапъ его въ равной добротѣ съ симъ послѣднимъ, чѣмъ большая и долѣе господспвуепъ пишина въ апмосферѣ. Справедливо въ прочемъ и то, что и самый внѣшній воздухъ многлюдныхъ и пѣсныхъ селеній несовершенно свободенъ бываепъ отъ подобныхъ испареній, а паче въ преисполненныхъ людьми, живописными и разными гнилоспиями городахъ. Кпожъ не видипъ производимой оппуда разности въ здоровьи и силахъ между градскихъ и сельскихъ жителей, въ числѣ, разнообразіи и силѣ болѣзней пѣхъ и другихъ? Кому неизвѣспна сильная охопа дѣпей, ни коего выбора неразумѣющихъ, отъ всякихъ житейскихъ предразсудковъ и заблужденій свободныхъ, быпъ внѣ покоевъ, а паче внѣ города? Одно внупреннее чувспвованіе въ помѣ ихъ наспавляепъ, и щаспливо дипя, копорому сущеспвенное сіе удовольспвіе не возбраняепся, и коего внѣшній цвѣтѣ не предпочипаепся внупренному сложенію и крѣпоспи пѣла, отъ копорой и самыя душевныя силы вѣрнѣйшимъ образомъ зависяпъ. Вся сія польза приобрѣтаепся воздуха добротою, а сія вышепомянутымъ его движеніемъ, которое не будучи одно и единспвенное, польза же въ цѣлой природѣ, отъ каждаго выводимая, будучи многоразличная, по неспособности времени и наспоящаго мѣста, въ по-

дробное здѣсь о всемъ томъ размышленіе введены бытъ не могутъ.

Движеніе, его слѣды и польза, суть гораздо явственнѣе во впоромъ великомъ ономъ природы дѣятелѣ, водою нами называемомъ попому, что сіе тѣло предъ воздухомъ есть несравненно грубѣе, осязанію и зрѣнію нашему подверженное. Ежели сложность воздуха почтипаема нынѣ за извѣстность, ни коему сомнѣнію не подверженную и сопавныя его часпи за опредѣлипельныя: по сложность и разлагаемость воды, яко тѣла гораздо грубѣйшаго, хемическимъ операціамъ удобнѣе подвергаемаго, должны бытъ самовѣрнѣйшія, да и подлинно почтипаются они за поковыя. При каждомъ обзорѣніи еспественныхъ произведеній коликимъ поражается удивленіемъ человекъ! Сіе грубымъ тѣломъ мною называемое вещество, по есть, вода, соспоиптѣ изъ началъ поликой понкости, поликой жидкости, какъ и самыя воздушныя, но копорыя въ своемъ, въ извѣстной пропорціи, соединеніи сопавляютъ произведеніе, ни на которое изъ своихъ началъ не похожее; напрошивъ того сполько опличное и такъ опъ природы, вида и сопояпельности своихъ началъ удаленное, что безъ помощи Хеміи никпо не могъ бы повѣритъ, что вода соспоиптѣ изъ извѣстныхъ, воздухоподобныхъ гасовъ, по понкости своей едва имя существа заслуживающихъ, и изъ копорыхъ каждый, самъ по себѣ, для человека и всякаго рода живопныхъ не полько ни къ чему неспособенъ, но даже весьма вреденъ, и вмѣсто дѣйствительнаго воздуха органомъ дыханія почерпнумый

вѣрно убивственѣ бываетѣ. Самое преобразование ихѣ въ воду не только не лишаетѣ ихѣ вреднаго для дыханія качества, но можно сказать, что еще убивственнѣе становится; ибо протаявшая вода, будучи въ прочемѣ тѣло безѣ всякой оспроты, и на пути пищепримѣ и въ крови совершенно полезная, не можетѣ коснуться внутренности легкаго безѣ того, чтобы не удушить живоотно дыханіемѣ живущаго.

Ни малѣйшей кажется не можетѣ быть ошибки, ежели я скажу, что природа ничего вообще безѣ движенія не производитѣ и не преобразуетѣ. Изѣобщаго же сего положенія необходимо слѣдуетѣ, что и вода безѣ предшествовавшаго движенія произведена бытъ не могла и не производится. Симѣ однако природа не удовольствовалась; ибо давши водѣ чрезѣ соединеніе началѣ силою движенія бытіе, она при томѣ неостановилась. Чтобы вода могла сохранить естественное свойство, нужно было, чтобы она не претерпѣла бытъ въ движеніи и безпротанной къ тому способности. Въ противномѣ случаѣ она бы скоро перетпала бытъ водою. А дабы того достигнуть, природа снабдила воду надлежащимѣ количествомѣ теплотворной матеріи, коея природное свойство есть, приводитѣ въ движеніе все, что только подвержено ея дѣйствию. Средствомѣ сей самой теплоты зимніе льды преобразуются въ жидкое тѣло, которое водою тогда называется, и которое по тому, какѣ теплота умножится или уменьшится, теряетѣ вновь, чрезѣ извѣстную степень теплоты приобретенный ею видѣ, то есть она обраца-

есть въ пары или опять въ ледъ. Сіе самое ея преобразование доказываетъ, что вода при той степени теплоты, которая потребна для приведения льда въ жидкость, находится уже въ движеніи; ибо коль скоро она умножится, то увеличится и сіе послѣднее до того, что вся вода переходитъ въ пары; съ уменьшеніемъ же теплоты уменьшается постепенно и движеніе воды до того, что сіе наконецъ вовсе перестаетъ, и она обращается въ груды льда, и при томъ въ видъ своего рода кристалловъ, которые свидѣтельствуютъ, что послѣ любимого природою движенія, въпорый любви ея предметъ есть образование.

И такъ нѣтъ сомнѣнія, что ради обращенія льда въ воду потребна нѣкоторая степень теплоты, безъ которой какъ движеніе, такъ и вода произведены быть не могутъ. Извѣстно также и то, что сія степень теплоты и сего рода движеніе, которое яко внутреннее можно назвать физическимъ, способны только для обращенія льда въ воду, или буде сіе посредствомъ оныхъ довольно увеличено будетъ, для обращенія воды въ пары. Напротивъ того весьма недоспапочны и неспособны для доставленія водѣ движенія цѣлою массою или гидродинамическаго, безъ котораго такъ называемая вода спячая, какъ то совершенно извѣстно, превращается въ гниль, то есть, приходитъ въ разрѣшеніе на свои начала и опять исчезаетъ, что и составили претій видъ преобразования водъ. А чтобы опровергнуть сіе послѣднее, давши имъ способность къ движенію всею массою устроила для того природа

жилы, каналы, наклонности земныя и бездны морскія, яко необходимыя углубленія для всякаго оныхъ положенія касательна высоты и низменности ихъ, изъ которыхъ можетъ быть своего рода власо-подобными прубочками вновь высасывается она и подымается ихъ до возможнаго возвышенія для доставленія водамъ полного кругообращенія и необходимаго всею массою движенія.

Но какимъ бы образомъ общее воды движеніе ни производилось, то вѣрно совершенно, что оно есть необходимое; ибо кому неизвѣстны слѣдствія того лишенныхъ и запертыхъ. Сколько имѣющія свободное движеніе, а паче на открытомъ воздухѣ почипающія полезными, здоровыми для человѣка и всякаго животнаго, не только въ воздухѣ живущаго, но даже и для самыхъ благороднѣйшихъ изъ водожителей; сколько напропивъ того гнилыя; ибо сіе есть заключенія ихъ слѣдствіе, становящія вредными и самымъ даже видомъ своимъ отвращительными. Сколько пакъ называемый благораспворенный, чистый воздухъ есть здоровый и приятный до того, что даже съ особеннымъ нѣкоторымъ удовольствіемъ вдыхается; сколько самовѣрнѣйшимъ образомъ полезно и приятно почипается чистая, безвкусная, прохладная, ни коего цвѣта ни запаха не имѣющая вода. Цѣна ихъ обоихъ въ означенномъ качествѣ ихъ пакъ равна, что никому изъ нихъ не возможно уступитъ ни коего преимущества; а доброта ихъ сопряжена пакъ сильно съ жизнью и здоровьемъ какъ нашимъ пакъ и животныхъ, что не воз-

можно не приипи въ величайшее удивленіе, видя чело-
вѣка до крайности не брегущаго о самыхъ важнѣй-
шихъ, безцѣнныхъ сокровищахъ, имѣющихъ величай-
шее, необходимѣйшее и безпреспанное вліяніе на его
здоровье, копорому онѣ, говоря въ физическомъ смыслѣ,
ничего въ свѣтѣ, совершенно ничего предпочестъ не мо-
жетъ. Какое непростибельное нерадѣніе! какая спранныя,
виновная холодноств къ предметамъ свѣтлою жизни его
равняющимся! въ прочемъ ежели говорить объ одной во-
дѣ, то онѣ можетъ не сполько пропивъ себя виновнымъ
показаться попому, что и въ правду всячески избѣ-
гаетъ онѣ упопреленія въ питье гнилой воды; а сіе
спараніе всегда оспается похвальнымъ; жаль сполько,
что оно весьма недоспапочно для опвращенія всякаго
другаго образа дѣйствія ея на него, копорое сполько
можетъ быть вредно, что упопреленіе здоровой воды
въ питье и пищу не можетъ опврапитъ злаго вліянія
гнилыхъ водъ, всюду его окружающихъ. И подлинно!
ни какой ниже самый лучший свободный воздухъ не мо-
жетъ исправить гнилой воды; напропивъ того насы-
щаетъ и заражаетъ она его до той степени, что
чрезъ то и самъ онѣ дѣлается ядовитымъ, и тѣмъ бо-
лѣе опаснымъ, что ядъ его медлѣнно, и не примѣтнымъ
образомъ дѣйствуетъ такъ, что когда послѣдовалъ
отъ того пагубный успѣхъ, то уже не оспается и
малѣйшей возможности опврапитъ опасную болѣзнь,
копорая тѣмъ опаснѣе, что она вдругъ многихъ, си-
лою сопротивленія между собою, такъ сказать, равня-

ющихся постигаеѣ. Собспвенный нашѣ дыханія органѣ и поверхность тѣла спановяѣся необходимыми нашими врагами поѣтому , что они принуждены бываюѣ вбиратѣ купно съ воздухомѣ гнилые пары въ немѣ распущенные. Что было бы съ нами , ежели бы въпры, ежели бы бури , вихри не приходили опѣ времени до времени , такѣ сказаѣ, вымѣпаяѣ многолюдныя селенія исполненныя паровѣ гнилой воды , уносиѣ ихѣ прочѣ и смѣшиваяѣ въ воздушной безднѣ съ чиспой атмосферою , имѣющею всѣ способы къ уничтоженію ихѣ. Симѣ однимѣ образомѣ съ помощію дождей спасаеѣся еще многолюдное населеніе , въ гнилыхѣ водахѣ, и въ болопахѣ утопающее, опѣ грозныхѣ повальныхѣ болѣзней , пагубою роду человѣческому и животнымѣ дышущихѣ. Одной природѣ, одной сей спасишельницѣ , сему сильному орудію великаго Бога , ему одному долженѣ человѣкѣ, который можетѣ похвалиѣся нѣкопнымѣ постоянствомѣ и крѣпостію своего здоровья памѣ, гдѣ искуства , способовѣ или попеченія о цѣлоспи его съ сей стороны не достаеѣ. И такѣ нѣтъ нимальнѣшаго сумнѣнія , что вездѣ , что во всей природѣ движеніе господствуетѣ, что оно еѣ главный источникѣ всѣхѣ ея произведеній , и что силою его все сохраняетѣ свой образѣ, бытіе и доброѣ, словомѣ: оно еѣ душа всякаго дѣйствія и самая благодѣтельная сила въ цѣломѣ физическомѣ мѣрѣ.

Кажеѣся нѣтъ никакой нужды приводиѣ еще больше примѣровѣ необходимости ея во ономѣ. Все въ

немъ сущее и своимъ образомъ движущееся, все доказываетъ пользу, благость и необходимость движенія самаго человѣка, изъ частей міръ соспавляющихъ неизбемлемаго, и, пока живетъ, общему порядку вещей подверженнаго, коихъ безчисленные ряды въ силѣ законовъ одной физики вмѣщаются и имъ однимъ повинуются; между тѣмъ какъ человѣкъ, яко членъ физическаго, полипического и нравспвеннаго міра, носящій въ себѣ долгъ удовлепворить правамъ каждаго, гораздо болышей подвергается дѣяпельности, предвидѣнной и не разлучной съ пользою здоровья и благосостоянія его. Но сей самый человѣкъ, въ кругу полипического и нравспвеннаго міра видимый, подлинно ли являетъ онъ сполько дѣяпельности и пвердоспи на пути по первому и впорому ведущемъ, сколько опѣ него яко вѣрнаго и достойнаго своего члена собспвенная его свободная обязанность пребуетъ, мы не извѣспно. То однако вѣрно, совершенно вѣрно, и мною и каждымъ опечеспва сыномъ видимо, сими спѣнами, градомъ и народомъ признаваемо, что Россіянинъ, сей щаспливецъ 19го вѣка силою, власпію и безпримѣрнымъ, истиннымъ великодушіемъ возлюбленнаго, обожаемаго своего МОНАРХА праведно гордящійся, имѣетъ и еще получаетъ всѣ способы, всѣ возможности удовлепворить въ полной мѣрѣ справедливости законовъ того и другаго, съ благосостояніемъ какъ каждаго собспвеннымъ, такъ и общимъ неразлучныхъ. Чего оспалось желать тебѣ благополучный сынъ богатпая Россіи! чего долженъ

языкъ сердца пвоего просить у Бога благодѣтеля и
пворца вселенныя! только и единспвенно здравія и
долгоденспвія Пресвѣплому нашему Тезоименипому
Августѣйшему Государю Императору **АЛЕКСАНДРУ**
ПЕРВОМУ.

Павелъ Шумлянскій.

II.

De fine hominis ultimo.

Cum Philosophia sit scientia ejus naturae ac indolis, ut summam habeat efficaciam et in omnes reliquas scientias, et in mores hominum, propterea quod inquirat ac proponat principia maxime universalia, quibus tanquam fundamentis omnis investigatio veri et agendi ratio inter homines tum singulos, tum totas nationes innititur: facile est perspicere, quae passim admittuntur, et quasi pro axiomatibus recepta sunt, principia philosophica examini severissimo esse subji-cienda, et potissimum ex iis, quae immediate in vitam prac-ticam influunt, positionibus nullam temere admittendam, qualiscunque illis auctoritas patrocinetur, ne ea ipsa disci-plina, cui propositum est, viam veritatis virtutisque aperi-re, ac sublatiis obstaculis cuilibet perviam, facilemque redde-re, difficultates vix superandae procreentur, ac dignitas sa-lusque humanitatis periclitetur. Inter principia, quae quidem speciem veri habent, licet, adcuratius in se considerata, sint maxime falsa, et perniciosa, praeprimis recensendum puto illud, quo asseritur, finem hominis absolutum esse fe-licitatem. Hoc principium summa pollet auctoritate, qua duc-ti omnes, qui ad Philosophiae studium se conferunt, obfus-

cantur, et in periculum non exiguum amittendae veritatis, virtutisque conjiciuntur. Huic enim principio adhaerent Philosophi fere omnes inter cultissimas nationes. Sola Germania ex eo tempore, quo clarissimi Kantii critica in lucem prodiit, fecit exceptionem. Operae pretium est, hoc principium, quantum temporis angustiae patiuntur, severius hodie examinare, cum celebremus diem sapientissimo IMPERATORI consecratum, cujus omnes curae eo feruntur, ut, cui imperat, nationem numerosissimam, ac in orbe terrarum latissime diffusam, ad summam dignitatis prosperitatisque apicem, ac finem toti humanitati ex natura sua propositum mediis aptissimis gradatim extollat.

Homo ea tantum conditione dignitatem suam, qua se a brutis distinguit, et obtinere, et tueri potest, si in tota sua cogitandi, agendique ratione absolutam studeat harmoniam, in omnibus universi partibus a sapientissimo creatore stabilitam, exprimere. Hoc cuilibet hominum a natura datum est, ut necessario, et inextinguibili polleat instinctu, quo ad absolutam in omnibus et cogitandi et volendi actibus harmoniam exprimendam impellatur. Hic instinctus, quatenus refertur ad cognoscendam harmoniam ejus, *quod est*, dicitur *sensus veri*; quatenus autem tendit ad harmoniam ejus, *quod fieri oportet*, *sensus honesti*, sive *conscientia* appellatur.

Finis hominis absolutus est, ut huic instinctui omni ex parte satisfacere studeat, ita, ut nunquam sua culpa aut

in cogitando, aut in agendo aliquam ponat dissonantiam. Hinc est, quod hominem adhuc incorruptum, id est, et praeiudicatis opinionibus, et vitiis liberum, nihil majori afficiat voluptate, quam intuitio veritatis, et conscientia recte factorum. E contrario nihil hominem magis deprimit et affligit, ac mens dissonantiae tum in cogitando, tum in agendo sibi conscia.

Ut autem hic instinctus hominem ad finem sibi propositum perducere possit, ex obscuris suis latebris in lucem est protrahendus, et ope cognitionis distinctae, quae omnibus instinctibus, qua talibus, deest, quasi oculis instruendus, unde id efficitur, ut homo non vago, coecoque desiderio veri, honestique incitatus a recta via aberret, et in praecipicia feratur, sed in omnibus casibus, quid verum honestumque sit, quid expetendum, quidve fugiendum, clare perspicere possit. Atque hunc instinctum, quo omnes homines feruntur, oculis instruere, et hac ratione per omnes vias, in quas incidere vitae cursus potest, illum ducem reddere securum, Philosophiae negotium est. Qui in tenebris ambulat, nescit, quo vadat. Quibilet autem instinctus, nisi ad distinctam evehatur cognitionem, tenebris obvolutus est. Hinc illum solum ducem sequi, nihil aliud est, nisi se continuo exponere periculo, a via, quae ad salutem ducit, aberrandi. Omnis instructio nullum alium habet finem, nisi ut homines, instinctibus ad plenam lucem protractis, in omnibus et cogitandi et volendi functionibus clara du-

cantur cognitione, illosque in toto vitae cursu scopulos evitent, ad quos, solis instinctibus agitati, feruntur, ac salutis naufragium patiuntur.

In hominis potestate positum est, ope clarae cognitionis huic divino instinctui satisfacere. Nam quilibet potest sibi cavere, ne unquam temere assensum praebeat cogitationibus, quae cum objectis ipsis non consentiunt; nec velit, faciatque quidquam, quo repugnantiae secum ipso, ac cum aliis entibus rationabilibus se reum constituat. Veritatis, virtutisque studium tam parum nostras vires excedit, ut potius natura ipsa per sensum veri et honesti ad id continuo impellamur.

Rationi repugnat, hominis finem absolutum in eo ponere, cujus assecutio vires illius transcendit. Hujus naturae est *felicitas*, quam plerique Philosophorum pro absoluto hominis fine constituunt. Qualiscunque de felicitate conceptus statuatur, in nullo casu tanquam principium aut veritatis, aut virtutis, ideoque tanquam finis hominis ultimus admitti potest. Homo constat ex corpore organico, et mente. Hinc duplicis generis indigentiae in eo se produnt, quae quatenus exigunt, ut illis satisfiat, *appetitus*, sive *instinctus naturales* appellantur. Plerique homines in conceptibus formandis objecta solent tantum ex parte, non vero ex integro considerare; unde fit, ut eorum conceptus *defectuarii*, non vero *adaequati*, id est, ita comparati sint, ut omni ex parte objectum exprimant. Haec conceptuum defectuos itasmo-

nium errorum scaturigo est. Conceptus felicitatis, quem sibi non solum homines plebei, sed etiam Philosophi plerique efformant, hoc vitio laborat. Aut enim tantum reflectitur ad appetitus, qui ex corpore, vel tantum ad eos, qui ex mente proveniunt. Hinc felicitas aut ita determinatur, ut dicatur, esse status, quo quis abundet mediis, omnibus cupiditatibus sensualibus satisfaciendi, aut ita, ut solus ille praedicetur felix, qui instinctum rationis sequens veritatem virtutemque colat, licet respectu indigentiarum ex corpore organico prodeuntium cum summa luctetur miseria.

Primi generis conceptus omnem tollit virtutem, cum omnia referat ad utilitatem, propriique commodi studium, nulla habita ratione harmoniae, quae, ut actio quaedam honesta dici possit, exprimenda est. Ex hoc solius utilitatis voluptatisque studio innumera mala, quae homines singulos, totasque nationes torquent, enascuntur. Ubi de sola quaeritur utilitate, et voluptate, officio nulli potest esse locus. Officii enim natura ita comparata est, ut illi satisfaciendum sit, licet qualiacunque incommoda sint, pertimescenda. Imo non raro contingit, ut ipsa vita, quae tamen absoluta est omnis utilitatis, ac fruitionis conditio, pro officio sit profundenda. Si in actionibus nostris soli utilitati, ac fruitioni sit consulendum, tum certe omnia jura, legesque, quibus humanae societates conservari possint, tolluntur, solo relicto jure fortioris, quo si semel homines singuli in homines, et nationes in nationes utuntur, certe actum est et conclama-

tum de omni salute humanitatis. Nullum certe crimen committitur, nisi ex studio utilitatis, felicitatisque propriae. In eadem pericula conjicit illa sic dicta felicitas publica. Nam negari non potest, magna posse committi crimina, unde publica redundet utilitas.

Hinc non est malum committendum, ut inde proveniat bonum. Alter vero felicitatis conceptus, quo tota hominis salus in studio veritatis, virtutisque ponitur, quique Philosophis Stoicis proprius est, insultat humanae miseriae, et offendit rationem, quae hominem bonum honestumque cum summis doloribus luctantem felicem reputare nullatenus permittit.

Uterque conceptus erroneus est, quia non est integer, sed tantum unam partem extremam sui objecti exprimit. Verus felicitatis conceptus utriusque generis naturam, qua homo constat, scilicet et animalem, et rationalem complectitur, ideoque illum hominis statum exprimere debet, quo indigentis cum sensualibus, tum rationabilibus facili modo satisfieri possit. Hinc patet, conceptui felicitatis duo in esse, quorum alterum dependet a libera hominis determinatione, non ita vero alterum. Ut enim semper et in cogitando, et in volendo, agendoque ideam absolutae harmoniae, quae ipsi necessario inest, tanquam normam inviolabilem ante oculos ponat, eamque exprimere studeat, in ejus situm est potestate. Licet enim nonnullarum veritatum cognitio sit difficillima, tamen nihil ipsum cogere potest, ut assensum suum repraesentationibus citius praebeat,

quam evidentissime earum naturam, ac cum objectis convenientiam perspexerit. Potest tamdiu suum iudicium suspendere, quam propulsata omni erroris dubiique obscuritate veritatis lux plenissima illi affulserit. Porro nihil ipsum determinare potest, ad aliquid vel faciendum, vel omittendum, quod conscientiae clarae repugnat.

Quod autem veritatis, virtutisque studium ad conceptum felicitatis necessario pertineat, inde patet, quod instinctus ille superior, qui hominem ad absolutam in cogitatione, factisque singulis harmoniam ponendam incitat, illi aequae naturalis sit, ac appetitus, illis indigentibus, quarum fons est natura animalis, satisfaciendi. Quid quod, cum natura mentis sublimior sit natura corporis organici, sequitur, in homine, qui dignitatem suam originariam et efficaciter sentit, et clare cognoscit, vehementius esse studium, instinctui rationis, quam appetitibus sensualibus obsequendi. In hoc, soli rationi obtemperandi, studio omnis hominis dignitas sita est. Hinc lex rationis, quae nihil aliud est, nisi idea absolutae harmoniae, semper et ubique exprimendae, a nullo mortalium violari potest, quin et se ipsum necessario contemnat, et contemnendum se ab omnibus, qui rationis compotes sunt, reputet. Hic necessarius contemptus sui, hic remorsus internus, qui hominem coram se ipso abjectae suae dignitatis reum accusat, damnat, et felicitate quoque externa indignum declarat, est fons summae miseriae, et quasi vermis, hominis animum continuo mordens

omnesque felicitatis sensualis radices arrodens. Hinc ut homo *feliciter* vivere possit, praeprimis requiritur, ut *bene, honesteque* vivat, id est, ut omnibus nitatur viribus, ad absolutam harmoniam in omnibus, quae cogitat et agit, producendam. Eadem harmonia, quae in cogitationibus veritatem constituit, etiam formam veritatis imprimit actionibus. Virtus nihil aliud est, nisi veritas actu exhibita, aut saltem tendentia vivax et constans, ad veritatem actionibus nostris imprimendam. Si homo purus esset spiritus, posito hoc harmoniae absolutae studio nihil amplius posset ad ejus felicitatem desiderari. Sed subjectus necessario variis appetitibus ex natura ejus animali prodeuntibus, omni ex parte felix esse nequit, nisi et illis satisfiat. Non quidem negamus, praecipuam felicitatis ejus partem sitam esse in conscientia sinceri et indefessi studii, quo ad veritatem, virtutemque impellitur. Id solum negamus, omnem ejus felicitatem in hoc studio consistere. Cum enim homo sine corpore organico cogitari nequeat, sequitur necessario, ad felicitatem praeter conscientiam studii veritatis virtutisque talem quoque statum requiri, quo inclinationibus naturalibus, quorum principium est corpus organicum, facili ratione satisfieri possit.

Errant ergo, qui in sola inquisitione veritatis et conscientia recte factorum omnem felicitatem sitam esse volunt, ita, ut asserant, hominem veri, honestique amantem nullo modo miserum esse aut fieri posse. Solidissimum qui-

dem hominis cum adversa fortuna luctantis solatium est, si sibi sit conscius, se in studio veritatis virtutisque dignitatem suam inviolatam servasse, omnemque labem erroris, vitiique cane pejus et angue perhorruisse. Sed hoc non impedit, quo minus penuriae rerum maxime necessariarum, aut positivis quoque, iisque acerrimis cruciatibus expositus miserum se esse sentiat, ideoque sortem peroptet meliorem. Et recte id quidem. Naturae enim humanae repugnat, id solum sectari et desiderare, quod ad mentem est referendum nulla habita ratione eorum, quae respectu corporis organici necessaria sunt. Nullus hominum a se obtinere potest, ut contentus solum animi bonis prorsus indifferens sit ad ea bonorum genera, quae ad naturam hominis animalem referuntur. Nemo naturam humanam, quae synthesis est et mentis et corporis, exuere potest, aut immutare. Qui cum indigentis rerum maxime necessariarum, aut etiam doloribus positivis luctatur, licet sapientia et virtute maxime excellat, tamen non potest non esse miser. Nam adest revera repugnantia inter statum ejus interiorem et exteriorem, quam talis homo necessario sentit et aversatur. Tantum abest, ut hunc doloris et aversionis sensum ulla ratione extinguere possit, ut potius vano hoc, naturae ipsi insultandi, studio in mente sua ponat repugnantiam, qua adhuc magis exacerbatur. Sed adhuc gravius errant, qui abjecto omni animi excolendi studio in abundantia rerum, quibus naturae inferioris cupiditatibus satisfit, omnem felicitatem

ponendam esse statuunt. Homo, qui omne harmoniae in cogitando et agendo producendae studium contemnit, et in continua vivit et secum ipso, et cum tota natura repugnanti, licet omnibus bonis, quae ad satiandos appetitus, rationis imperio se subducentes inserviunt, abundet, necessario tamen miseriae internae pondere pressus ingemiscit.

Cum ergo ad veram felicitatem duo requirantur, quorum unum ad corporis organici, alterum ad mentis necessitates referendum est; cum porro in nostra tantum potestate situm sit, absolutam harmoniam tanquam supremum et cogitandi et volendi principium sectari, et hac ratione dignitatem nostram tueri, neutiquam verum illum nobis procurare statum, quo semper et secure inclinationibus sensualibus satisfacere possimus: patet, felicitatem non posse tanquam supremum hominis finem statui. Rationi enim repugnat, metam, quam consequi non possis, tibi proponere. Officii quidem ratio postulat, etiam illam felicitatis partem, quae in bonis fortuitis posita est, omni studio prosequi, et, quidquid sub hoc respectu nostram felicitatem turbare possit, vitare, ita tamen, ut nunquam ex amore bonorum fortuitorum dignitatem nostram, quae in absolutae harmoniae studio posita est, abjiciamus. Hinc ita studendum est felicitati ad naturam nostram sensibilem pertinenti, ut nunquam ponamus vel in cogitando vel in agendo repugnantiam. Tota vita nostra exhibeat exactissimam harmoniam, et prodatur veritatem. Uti quaelibet cogitatio tum demum

vera esse potest, si cum omnibus aliis certis veritatibus harmonica sit, sic quoque ejus falsitas statim luce clarius apparet, quam primum aliqua dissonantia inter illam, aliasque indubias veritates ostendi potest. Inter cogitationes veras nulla dissonantia potest habere locum. Pari modo aliquam actionem non esse honestam illico inde patet, si homo, qui eam ponit, aliquam advertit repugnantiam inter illam, aliasque actiones, quarum honestas extra omnem dubii aleam posita est. Haec repugnantia semper locum habet, si homo quidquam agit, quod, si alii fecerint, reprehendit. Illa enim agendi ratio, quae honesta sit, ita comparata esse debet, ut ab omnibus entibus ratione praeditis, eamque sequentibus, et poni et approbari possit. Cum ergo id solum in nostra potestate situm sit, cavere, ne unquam aliquid aut cogitemus, aut agamus, quod rationi repugnare sciamus; cum porro in rebus dubiis suspendere iudicium et propositum valeamus; cum denique veritatis, virtutisque studium nullis limitetur terminis, ita ut semper in utroque progredi possimus: patet, hoc solum absolutum hominis finem esse. Ad quem quidem assequendum si continuo vires suas intendat, dignum quoque se reddet fortuna secunda, sive tali statu exteriori, qui statui ejus interno, aut illi perfectionis gradui, quem et in veritatis et virtutis studio assecutus est, respondeat. Et vero cum universum cogitari nequeat sine supremo Numine, quo, quicquid accidit, juxta rationis leges dirigatur, haec status externi cum interno

harmonia a divina providentia securissime expectanda est. In universo, quod ex idea divinitatis consideratur, omnis dissonantia nihil aliud esse potest, quam medium, ad novam, sublimioremque harmoniam producendam. Unitas, quae apparet, est necessario harmonia; sed principium ultimum omnis harmoniae est absoluta unitas, quae ut talis apparere nequit, sed sola ratione cogitatur. Hac absoluta unitate, quae character est divinitatis, fit, ut quidquid contingit, ad harmoniam, tanquam finem suum tendat, eamque producat. Hinc nulla datur in Universo dissonantia absoluta, ita quidem, ut et casus, maxime adversi necessario conspirent et inserviant ad harmoniam, quam ratio postulat, producendam. Hinc sequitur, hominem, qui sincero veritatis, virtutisque studio tenetur, quique, quod in viribus suis positum est, facere nititur, nullo modo dubitare posse, quin, quod vires suas respectu procurandae felicitatis excedit, suo tempore per diuinam providentiam efficiatur. Hac, quae ex ipso purissimo rationis fonte prodit, spe fretus etiam in casibus maxime adversis tranquillitatem animi inconcussam conservare potest. Hominem vere sapientem, etiamsi, ut Horatius praeclare ait, *fractus illabatur orbis, impavidum tamen ferient ruinae.*

Joannes Schad.

ПЕРЕВОДЪ.

О верховной цѣли человѣка.

Философія есть наука, сущностію и свойствомъ своимъ имѣющая величайшее впечатленіе не только во всѣ прочія науки, но и во нравы человѣческіе. Она изслѣдываетъ и предлагаетъ начала всеобщія, на коихъ, какъ на основаніи, утверждаются всякое изысканіе истинны и поступки не только лицъ, но и цѣлыхъ народовъ. А по сему, весьма спростому должно подвергать разсмотрѣнію философскія начала, кои мы часто принимаемъ и признаемъ какъ бы за самоистинны, а найпаче не должно безъ разсужденія приниматьъ и положенія (какогобы рода уваженіе ни подкрѣпляло ихъ), кои непосредственно дѣйствуютъ на исполненіе обязанностей человѣка: дабы та самая наука, коея цѣль, удаливъ препяпспвія, открытъ удобопроходимый и легкій путь къ истинѣ и добродѣтели, не произвела трудностей едва преодолимыхъ и подвергающихъ опасности доспоинспво и благосостояніе человѣческаго рода. Между началами, кои по видимому истинны, но по тщательномъ разсмотрѣніи оказываются ложными и пагубными, главнымъ по моему мнѣнію должно почестся то, въ коемъ утверждается, что щастіе есть верховная цѣль человѣка. Начало сіе великую имѣетъ силу, и

пѣ, кои будучи напоены онымъ посвящаютьъ себя ученію философіи, впадаютьъ въ заблужденіе, подвергающее ихъ опасности удалиться отъ истинны и добродѣтели. Однако всѣ почти философы самыхъ просвѣщенныхъ народовъ къ нему прилѣпились. Одна Германія чуждается онаго съ того времени, какъ вышла въ свѣтъ крипика знамениаго Канпа. Не бесполезно нынѣ сколько краткость времени позволилъ, тщательнѣе разсмотрѣть сіе начало, когда празднуемъ Тезоименинство Премудрѣйшаго МОНАРХА, коего всѣ попеченія къ тому спремаяся, дабы постепенно и средствами удобнѣйшими довести до высочайшей степени достоинства, благополучія и цѣли предназначенной всякому человѣку самымъ естественнымъ, управляемый ИМЪ многочисленнѣйшій и населяющій обширнѣйшую часть вселенныя народъ.

Человѣкъ тогда только можетъ достигнуть и соблюсти свое достоинство, отъ прочихъ живопныхъ его отличяющее, когда старается въ мысляхъ своихъ и дѣяніяхъ сохранить по совершенное согласованіе, которое Премудрѣйшимъ Творцемъ устанавлено во всѣхъ частяхъ міра. Каждой изъ смертныхъ получилъ отъ природы всегда нудящее и ничемъ не загладимое побужденіе, во всѣхъ дѣйствіяхъ разума и воли оказывать согласованіе. Сіе побужденіе, относительно къ познанію согласованія того, что есть, называется *чувствомъ истиннаго*; относительно же согласованія того, что должно дѣлать, *чувствомъ честнаго или совѣстію*.

Верховная цѣль человѣка состоишь въ томъ, чѣмъ бы спараться во всемъ удовлетворить сему побужденію такъ, чѣмъ бы никогда не могъ себя винить въ томъ, чѣмъ бы бываешь какое нибудь разногласіе въ его или мысляхъ, или дѣяніяхъ. По сему то, человѣкъ еще ничемъ не зараженный. то есть, чуждый предразсудковъ и пороковъ, ничемъ сполько не улаждаея, какъ созерцаніемъ истинны и внушренимъ сознаніемъ справедливыхъ дѣяній. Напрошивъ того ни чѣмъ сполько не бременить и не огорчаешь его, какъ усмотрѣніе разногласія въ мысляхъ или поступкахъ.

Но чѣмъ бы сие побужденіе могло довести человѣка до предположенной цѣли, должно, такъ сказать, извлечь его изъ тьмы въ свѣтъ, и явственнѣмъ о немъ познаніемъ, какого мы не имѣемъ о всѣхъ таковыхъ побужденіяхъ, какъ побужденіяхъ, какъ бы дашь ему зрѣніе. Слѣдствиемъ сего будетъ то, чѣмъ человѣкъ, ежели уклонится отъ пути прямого и попечень къ пропасти, то не потому, чѣмъ онъ руководимъ слѣпымъ и блуждающимъ стремленіемъ къ истинѣ и честному; но во всѣхъ случаяхъ ясно будетъ видѣть, чѣмъ истинно и честно, и чего онъ долженъ желать, и чего убѣгать.

И такъ долгъ философіи есть озарить сие движущее всѣмъ побужденіе, и чрезъ то сдѣлать оное надежнымъ вождемъ во всѣхъ спезяхъ, какія сполько въ теченіи жизни могутъ предспавиться. Во тьмѣ ходящій не знаетъ, куда идетъ. А всякое побужденіе, въ разсужденіи котораго мы не достигли до явственнаго по-

знанія, тьмою обято. И такъ слѣдовать ему покло, естѣ не чпо иное какъ безпреспанно находипсья вѣ опасности, уклонипсья опѣ пупи ведущаго кѣ благососпоянію. Все ученіе наше единспвеннымъ имѣетѣ предметомъ то, чпобы люди при свѣпломъ предспа-вленіи своихъ побужденій вѣ дѣлахъ ума и воли руководспвовались явспвеннымъ познаніемъ и могли избѣгати во всю свою жизнь тѣхъ препкновеній, кѣ коимъ они слѣдуя единспвенно внушеніямъ побужденій, прямо текутъ и преперпѣвають рушеніе своего благополучія.

удовлетворипсь сему божеспвенному побужденію при помощи яснаго познанія зависипть опѣ воли человека. Всякой можетѣ осперегати, безѣ разсужденія одобряти свои размышленія не сходныя съ самими вещами; можетѣ не желати и не дѣлати иичего, чпо сдѣлало бы его виновнымъ вѣ разногласіи съ самимъ собою и съ другими разумными существами. Исканіе истинны и добродѣтели не только не превыше силъ нашихъ, но еще сама природа (вліяннымъ вѣ насъ) чувспвомъ истинны и честнаго безпреспанно насъ кѣ тому поощряетѣ.

Противно разуму полагають верховную цѣль человека вѣ томъ, чпо превозходитѣ его силы. Таково естѣ щаспіе, опѣ многихъ философовъ верховною цѣлію человека поспаваемое. Какое бы мы ни имѣли понятіе о щаспіи; ни вѣ какомъ случаѣ не можно его признати началомъ истинны или добродѣтели, и слѣдспвенно и первою цѣлію человека. Онѣ соспоятѣ изъ тѣла спройнаго и души. Опѣ того бывають вѣ немъ два

рода желаній, кои попому что пребуютъ удовлепворенія, *естественными хотѣніями или побужденіями* называюпся. Одиѣ изѣ нихъ прямо относятсѣ къ тѣлу, а другія къ душѣ. Большая частъ людей соспавляютъ себѣ пакія о вещахъ понятія, вѣ коихъ они предспавляютъ ихъ съ одной толькo спороны а не цѣлыя; отѣ чего понятія ихъ бывають недоспавочны, а не совершенны, по еспѣ, не паковы, чпобѣ ими обѣемлемы были предметы со всѣхъ споронѣ. Сіе несовершенство понятій еспѣ испочникъ всѣхъ заблуждений. Понятіе, какое не толькo проспoлудимы, но даже многіе философы имѣють о щасптіи, пакому же подлежащѣ недоспавку: ибо вѣ семъ случаѣ имѣють вѣ виду желанія, зависѣющія или отѣ тѣла, или отѣ души толькo. По сей причинѣ или предспавляютъ себѣ щасптіе пакимъ состояніемъ, вѣ коемъ человекъ имѣетъ всѣ средспва удовлепворитъ всѣмъ чувспвеннымъ хотѣніямъ; или почипають того токмо щаспливымъ, кто, слѣдуя побужденіямъ разума, бывающѣ преданѣ добродѣтели и испиннѣ, хотябы припомѣ принужденѣ былѣ боротсѣ вѣ великими недоспавками вѣ разсужденіи удовлепворенія попребноспямъ, произпекающимъ изѣ свойспвѣ тѣла чувспвами одаренного.

Первымъ изѣ сихъ понятіемъ уничпожаетсѣ во все добродѣтель, поелику полагаетъ всѣ вѣ пользѣ и любви собспвенныхъ вытодѣ, ни мало не имѣя вѣ виду согласованія, которое должно бытъ видимо во всякомъ дѣяніи, чпобы оное можно было назватъ честнымъ. Сіа къ

собственной только пользы и услаждению привязанности производить безчисленные зла, удручающія каждого въ особенностяхъ человека и вообще цѣлыя народы. Гдѣ заботятся только о выгодахъ и услаждении, тамъ исполненіе обязанности не можетъ имѣть мѣста. Ибо всякая обязанность такого есть свойства, что хотѣбы угрожали намъ какія невыгоды, удовлетворить оной должно. Нерѣдко даже случается, что и самая жизнь, которая составляетъ высочайшую степень выгодъ и наслажденія, должна быть принесена въ жертву обязанности. Если мы въ своихъ дѣяніяхъ должны помышлять только о своихъ выгодахъ и наслаждении; то напрасны всѣ права и законы, коими одними сохраняются человѣческія общества. Оставимъ покуда право сильнѣйшаго; пусть хотѣ единожды послѣдуетъ ему человекъ въ отношеніи къ другому человеку, народъ къ другому народу: безъ сомнѣнія исчезнетъ и погибнетъ благосостояніе человѣческаго рода. Справедливо, что всякой порокъ имѣетъ побужденіемъ раченіе о собственныхъ выгодахъ и личномъ щастіи. Таковымъ же опасностямъ подвергается оное такъ называемое народное щастіе. Ибо нельзя отрицать, что бываютъ величайшія преслупленія, изъ коихъ родится всеобщая польза; Однако не должно дѣлать зла для того, что изъ того произойдетъ добро.

Другое о щастіи понятіе принадлежащее Стоицкимъ философамъ, въ коемъ все блаженство человека полагается въ послѣдованіи истинны и добродѣтели, какъ бы издѣвается надъ человѣческимъ несовершен-

спвомѣ, и пропивно разуму, который никакѣ не можетѣ согласиться признаѣ щастливымѣ человекѣ добродѣтельного и честнаго, но борющагося съ величайшими скорбями.

И такѣ оба сіи понятія о щастіи ложны, поелику не весь, но только внѣшнюю часть своего предмета объемлютѣ. Истинное о щастіи понятіе должно включатьѣ въ себѣ обою рода природу человекѣ, то есть, и какѣ животнога, и какѣ существа разумнаго, и слѣдственно изображать состояніе человекѣ такое, въ которомѣ онѣ удобнымѣ образомѣ можетѣ удовлетворять какѣ чувственнымѣ такѣ и умственнымѣ его потребностямѣ.

Изѣ чего ясно видно, что понятіе о щастіи включаетѣ въ себѣ два обстоятельство, изѣ коихѣ одно зависитѣ отѣ свободной рѣшимости человекѣ, другое же на проповѣ того. Ибо отѣ него зависитѣ имѣть всегда предѣ глазами за ненарушимое правило, врожденное ему понятіе о совершенномѣ согласованіи и слѣдовать оному во всѣхѣ помышленіяхѣ, хотѣніяхѣ и дѣйствіяхѣ. Правда, что познаніе нѣкоторыхѣ истинѣ весьма трудно, ни что однако не можетѣ принудить его согласиться съ представленіями своими прежде нежели весьма явственно узнаетѣ ихѣ сущность и сходство съ самыми вещами. Онѣ можетѣ не судить рѣшительно дополѣ, пока не разсѣется мракѣ заблуждений и сомнѣній, и пока не представится ему совершенно очевидною истинна. Ничто такѣ же не можетѣ заставить его къ предпріятію или оставленію чего ни-

будь, о чемъ онъ не имѣетъ яснаго внутренняго сознанія.

Но что исканіе истинны и добродѣтели составляетъ нѣчто существенно принадлежащее къ понятію о щастіи, явствуетъ изъ того, что высшее оное побужденіе, которое заставляетъ человѣка во всѣхъ помышленіяхъ и дѣяніяхъ сохранять согласованіе, сполькожъ въ немъ естественнo, сколько желаніе, удовлетворить потребностямъ, которыя имѣютъ своимъ изпачникомъ то, что оно есть животное. Но поелику существо души гораздо превосходнѣе существа пласпротнаго; отъ того происходитъ, что человѣкъ, живо чувствующій верховное свое достоинство и явственнo представляющій себѣ оное, гораздо сильнѣе старается сообразоваться съ побужденіями разума, нежели съ хотѣніями пласными. Въ семъ разположеніи слѣдовать внушеніямъ разума состоитъ все достоинство человѣка. По сей причинѣ никто изъ смертныхъ безъ неминуемаго презрѣнія къ самому себѣ и не бывъ увѣренъ, что онъ заслуживаетъ оное и отъ другихъ, имѣющихъ здравый разумъ, не можетъ нарушить законъ разума, которой не что иное есть, какъ понятіе верховнаго согласованія, которое всегда и вездѣ должно быть соблюдаемо. Сіе неизбежное самого себя презрѣніе, сіе внутреннее грызеніе, которое человѣка внутри его самого обвиняетъ и осуждаетъ за пренебреженіе собственнаго достоинства, и которое показываетъ ему, что онъ недостойнъ даже внѣшняго благополучія, есть изпачникъ величайшаго бѣдствія его, есть червь, ко-

порый безпрестанно почипѣ его душу, и подбѣдаетъ самый корень чувственнаго щаспія.

Слѣдовательно, чѣпобѣ чловѣкѣ могѣ жить *щастливо*, пребуется во первыхъ, чѣпобѣ онѣ жилѣ *хорошо и честно*, по естѣ, чѣпобы всѣми силами старался наблюдать совершенное согласованіе во всемѣ, чѣпо ни мыслиѣ, чѣпо ни дѣлаетѣ. То же согласованіе, которое въ опношеніи кѣ мыслимѣ составляетѣ ихѣ истинну, даетѣ нѣкоторый видѣ истинны дѣяніймѣ. Ибо добродѣпель естѣ не чѣпо иное, какѣ истинна, дѣломѣ показанная, или по крайней мѣрѣ спремленіе живое и поспоянное кѣ послѣдованію истиннѣ въ нашихъ дѣянійхѣ. Ежели бы чловѣкѣ былѣ сущесиво покомо духовное; въ такомѣ случаѣ ничего болѣе не пребывалось бы для его благополучія, кромѣ сего верховнаго согласованія. Но имѣя разныя необходимыя хотѣнія, сопряженныя съ сущесивомѣ его какѣ живоупнаго; онѣ не можетѣ совершенно быть щастливѣ безѣ удовлетворенія и онымѣ. Я не отрицаю, чѣпо главная часѣть благополучія чловѣческаго соспоиѣ въ сознаніи прямодушнаго и неупомимаго спремленія кѣ истиннѣ и добродѣтели. Но не могу согласиѣся, чѣпобы все его щастіе въ помѣ единспвенно соспояло. Поелику не можно вообразитѣ себѣ чловѣка, не вообразивѣ съ пѣмѣ чувственнаго пѣла; по по сему неоспоримо, чѣпо для его щаспія, кромѣ сознанія истинны и добродѣтели попребно еще такое соспояніе, въ которомѣ бы онѣ удобнымѣ образомѣ могѣ удовлетворяѣ еспесивнымѣ склонностямѣ, имѣющимѣ свой изпочникѣ въ свойствахѣ чувственнаго пѣла.

И пакѣ заблуждаются тѣ, кои щастіе полагаютъ единственно въ извисканіи истинны и сознаніи справедливыхъ дѣяній, и кои на семъ основаніи утверждаютъ, что человекъ, любящій истину и честность, никогда не бываетъ и быть не можетъ несчастнымъ. Правда, нѣтъ надежды упѣшенія человеку, борющемуся со злополучіями, какъ быть въ самомъ себѣ увѣреннымъ, что онъ со стороны любви къ истинѣ и добродѣтели не сдѣлалъ ни малаго пятна своему достоинству, и что онъ убѣгалъ нареканія, навлекаемаго заблужденіемъ и порокомъ, какъ язвы. При всемъ томъ недоспапокъ самыхъ необходимыхъ вещей, или состояніе, въ коемъ претерпѣваетъ дѣйствительныя, и при томъ жесточайшія мученія, заставляють чувствоватъ, что онъ несчастенъ, и желать лучшаго жребія. И сіе весьма справедливо. Ибо пропивно природѣ человека желать и искать только того, что надлежитъ до души, не имѣя ни малой связи съ тѣмъ, что необходимо для чувственного тѣла. Ни одинъ человекъ не можетъ оспаться довольнымъ одними душевными благами, и быть совершенно равнодушнымъ къ тому роду благъ, кои соединены съ естественнымъ состояніемъ его какъ живописнаго. Никто человеческого существа, которое состоитъ изъ соединенныхъ души и тѣла, не можетъ ни оставитъ, ни измѣнитъ. Кто имѣетъ нужду въ самыхъ необходимыхъ вещахъ, или претерпѣваетъ дѣйствительныя горести; тотъ при всей опличной мудрости и добродѣтели, не можетъ не быть несчастнымъ. Въ семъ случаѣ внутреннее и внѣшнее состояніе его дѣйстви-

тельно противоборствуютъ одно другому; чего онъ не можетъ не чувствоватъ и не отвращатся. И не только никакимъ образомъ не можетъ онъ изпребитъ сіе чувство горести и отвращенія, но еще симъ пыщепнымъ усиленіемъ своимъ прошиву своей природы раждаетъ въ умъ своемъ новое несогласованіе, которое раздражаетъ его еще болѣе.

Но гораздо больше погрѣшаютъ тѣ, кои ни мало не занимаяся усовершеніемъ своей души, полагаютъ все щастіе въ изобиліи вещей, удовлетворяющихъ хотѣніямъ человѣческаго естества низшей степени. Человѣкъ, вовсе небрегающій о соблюденіи согласованія въ мысляхъ и дѣяніяхъ, а по сему находящійся въ безпрерывномъ несогласованіи съ самимъ собою и съ цѣлымъ естествомъ, хотя бы изобиловалъ всѣми благами, служащими для удовлетворенія желаній, противоборствующимъ разуму, непремѣнно спонетъ подъ бременемъ угнетающей его души скорби.

И такъ когда къ составленію истиннаго щастія пребудетъ благо двоякаго рода, то есть, однѣ соответствующія хотѣніямъ чувственнаго тѣла, другія надобностямъ души: и когда въ нашей волѣ состоитъ только то, чтобы сохраняя совершенное согласованіе, какъ верховное начало помысленій и желаній, соблюсти чрезъ то свое достоинство; а не то, чтобы привести себя въ такое состояніе, въ которомъ бы мы всегда и безбѣдственно могли удовлетворять чувственнымъ своимъ склонностямъ: то явствуетъ, что щастіе не можно принять за верховную цѣль человѣка.

Ибо пропивно разуму предназначачь себѣ такую мепу, копорой достигнуть невозможно. Однако самое благо-разуміе налагаетъ на насъ долгъ, никакъ не пренебрегаѣть и того рода благополучія, копорое соспавляющѣ блага случайныя, и избѣгаѣть всего того, что покломо можетъ возмущитъ оное, принятое въ семъ смыслѣ: однако привязанность къ симъ случайнымъ благамъ никогда не должна довести насъ до пренебреженія своего достоинства, соспоящаго въ попеченіи о совершенномъ согласованіи. Должно стараться о щастіи, сродномъ чувственной природѣ нашей, чтобы чрезъ то никогда не произвели разногласія ни въ мысляхъ, ни въ дѣяніяхъ. Вся наша жизнь должна представлять починѣйшее согласованіе и являть истинну. Какъ всякое размышленіе тогда только истинно, когда согласуется съ другими достоверными истиннами: такъ и несправедливость онаго попочасъ бываетъ весьма явственно видима, какъ скоро можно примѣлитъ нѣкоторое разногласіе между нимъ и другими несомнительными истинами. Справедливыя мысли никогда не противорѣчатъ между собою. Равнымъ образомъ что какое нибудь дѣяніе не честно, сіе попочасъ видно изъ того, когда человекъ, считающій оное таковымъ, усматриваетъ нѣкоторую несообразность сего съ другими дѣяніями, коихъ честность никакому не подлежитъ сомнѣнію. Сіе разногласіе всегда находится въ такихъ нашихъ дѣяніяхъ, кои мы оуждаемъ, когда дѣлаетъ ихъ другой. Ибо честность дѣяній должна состоять въ томъ, что можетъ быть принято за такое отъ всѣхъ одаренныхъ разумомъ и ему послѣдующихъ

существѣ. Поелику въ нашей волѣ только оспергаться помыслишь или сдѣлать что либо такое, о чемъ увѣрены, что оно несогласно съ разумомъ; поелику въ сомнительныхъ случаяхъ можемъ остановиться въ своемъ сужденіи и предпріятіи; и поелику наконецъ исканіе истинны и добродѣтели никакими неограждено предѣлами, такъ мы всегда какъ въ томъ, такъ и въ другомъ проспираться далѣе можемъ: по безъ сомнѣнія въ семъ единомъ состоитъ верховная цѣль человѣка. Неослабное съ его спороны напряженіе силъ, чтобы достигнуть оной, дѣлаетъ его достойнымъ и щастія, или такого вѣшняго соспоянія, которое соотвѣтствуетъ внутреннему, по естъ, той степени его совершенства, которую приобрѣло ему исканіе истинны и добродѣтели. Но какъ не возможно вообразить міра, безъ того, чтобы невообразить вмѣстѣ существа высочайшаго, которое упрояетъ все случающееся сообразно законамъ разума: по сего согласованія вѣшняго соспоянія нашего со внутреннимъ, со спокойнымъ духомъ должно ожидать отъ божественнаго промысла. Когда сообразно понятію о Божествѣ представимъ себѣ міръ, по всякое бывающее въ немъ разногласіе естъ не что иное, какъ ходъ къ новому и высшему согласованію. Примѣчаемое нами единство естъ не что иное, какъ согласованіе; а главное основаніе согласованія естъ совершенное единство, которое въ семъ видѣ не можетъ быть примѣчено, но только мысленно представляемо быть можетъ. Отъ сего-то совершеннаго единства, составляющаго существо Божіе, производитъ, что все бывающее стремится

ся къ согласованію , какъ своей цѣли , и производитъ оное. А по сему нѣтъ въ мірѣ всесовершеннаго разногласія; такъ , что самыя несчастнѣйшія приключенія содѣйствуютъ и служатъ къ произведенію согласованія , предписуемаго разумомъ. Изъ чего слѣдуетъ , что человекъ пылающій искреннею любовію къ истинѣ и добродѣтели , и спарающійся исполнять то , что соразмѣрно его силамъ , ни какъ не можетъ сомнѣваться , что божественный промыслъ содѣлаетъ въ свое время то , что въ разсужденіи успроенія щастія его превышаетъ мѣру его силъ ; утверждаясь на сей изъ числѣйшаго изпочника разума произтекающей надеждѣ , онъ и въ самыхъ несчастнѣйшихъ приключеніяхъ можетъ сохранить непоколебимостъ духа. *Человѣка, истинно мудраго, хотя бы, какъ говоритъ Горацій, ладала на него разрушающаяся вселенная ; не приведутъ въ трелетъ низпадающіе на него удары сего разрушенія.*

Иванъ Шадъ.

511 1003